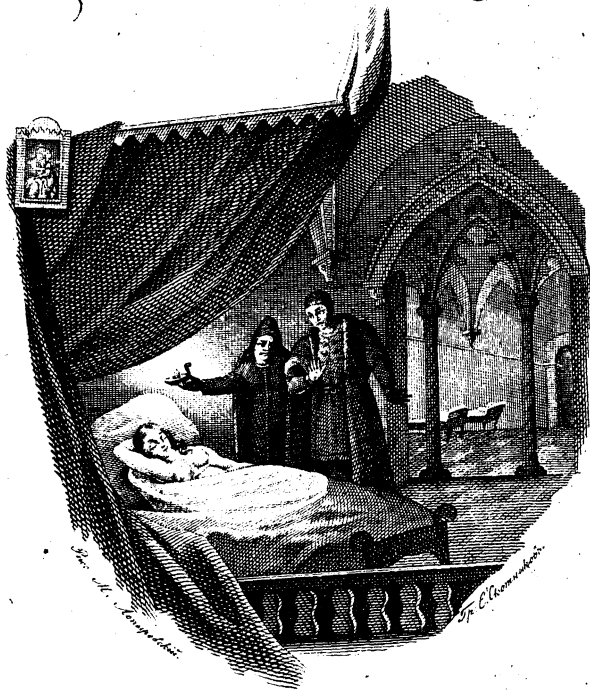

ШЕШАКИНЪ СЪДЪ

Часть вторая.

МОСКВА

1832.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ,

ИЛИ

ПОСЛѢДНЕЕ МЕЖДОУСОБІЕ

УДѢЛЬНЫХЪ

КНЯЗЕЙ РУССКИХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XV СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Павла Свиньина.

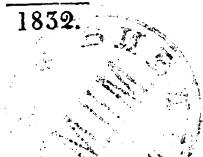
Съ добрымъ бо думьцею Князь
высока спола додумается, а съ
лихимъ думьцею думаетъ, и мала-
го спола лишень будетъ.

Слово о Даниилъ Заточникъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ
Типографіи представлены были въ Ценсурный Ко-
митетъ три экземпляра. Москва, 1852 года, Янва-
ря 27 дня.

Профессоръ, Ценсоръ и Кавалеръ *Иванъ Снегиревъ*.

2004127568

Г Л А В А I.

Возвращеніе Великаго Князя въ Москву. — Сви-
даніе съ матерью. — Вельяминовъ узнаетъ о по-
молвкѣ Великаго Князя съ Еленою. — Вспрѣ-
ча Басмы. — Возведеніе Уланъ-Царевичемъ Ва-
силѣя на Великокняжескій престолъ. — Короно-
ваніе регаліями Мономаха. — Слухъ о избраніи
матерью другой невѣсты для Василѣя. — Вели-
кій Князь соглашается на сей выборъ вопреки
своему обѣщанію. Важныя причины сей перемѣ-
ны. — Собраніе прекраснѣйшихъ дѣвицъ со всего
Государства. — Тайный выборъ невѣ-
сты. — Василій пораженъ красотою Елены. —
Провозглашеніе въ Соборѣ Марьи Ярославны на-
реченною невѣстою Великаго Князя. — Бояринъ
Овинъ считаесть себя обиженнымъ — оспавля-
етъ Москву.

Извѣстіе, полученное Ханомъ чрезъ
нарочнаго Саунча (*) о быспрыхъ дви-
женіяхъ къ Сараю брата его Кичимъ-
Ахмеша, провозгласившаго себя Мон-

(*) Саунчъ, Сеунчъ, отличаетъ отъ гонца тѣмъ,
что былъ оппавляемъ съ одними важными
вѣстями.

гольскимъ Царемъ, было причиною, что охота прекратилась гораздо ранѣе обыкновеннаго, и Великій Князь получилъ дозволеніе возвратиться въ Москву. Убѣдясь опытомъ въ неспешности Юрія и Тегини, для которыхъ, казалось, ничего не было священнаго, Василій Васильевичъ испросилъ у Хана дозволеніе усилить дружину, долженствовавшую сопровождать Уланъ-Царевичу, который отправлялся съ нимъ въ Москву, дабы торжественно посадить его на Великокняжескій Престолъ. Мѣра сей предосторожности была составлена въ робкомъ умѣ Боярина Овина, который для личной своей безопасности жертвовалъ спокойствіемъ и благоденствіемъ нѣсколькихъ тысячъ согражданъ; ибо Монголы, вздвигшіе въ Россію для утвержденія Князей на ихъ наследственныхъ, или жалованныхъ престолахъ, походили болѣе на разбойниковъ, чѣмъ на защитниковъ или покрови-

пелей. Не было злодѣйства, неиспов-
ства, которое они бы не позволяли
себѣ въ землѣ Русской для умноженія
своей добычи и для удовлетворенія ма-
лѣйшихъ прихотей, а пошому увеличе-
ніе хопя однимъ Тапариномъ свипы По-
сольской—было увеличеніемъ разоренія
и бѣдствій опечества. Напрасно Вель-
яминовъ предспавлялъ все сіе на видъ
Великому Князю, напрасно онъ ушвер-
ждалъ еще, что не должно много по-
лагаться на зашипу Монголовъ въ
случаѣ непріятельскаго нападенія. »Они
не прольютъ за насъ ни капли крови,
говорилъ онъ, когда еще идутъ съ пу-
стыми руками; другое дѣло на обраш-
номъ пупи: будутъ бипься, какъ львы,
для сохраненія награбленныхъ у насъ
сокровищъ.« Великій Князь чувспвовалъ
испину сихъ словъ; но, по малодушію
своему или робоспи, согласовался съ
прошивнымъ мнѣніемъ Боярина Овина,
копорый доказывалъ еще, что чѣмъ
многочисленнѣе будетъ дружина Та-

шарская, шѣмъ яснѣ покажешся милосшъ и расположеніе Хана, а признашся — онъ болѣ всего думалъ, что ушвердишъ и усилишъ шѣмъ собственное свое вліяніе на Великаго Князя и на весь Дворъ Московскій, что, видя дружбу его съ Уланъ-Царевичемъ, никшо не посмѣешъ ему ни въ чемъ прошиворѣчишъ.

Уланъ-Царевичъ дѣйствительнo былъ назначенъ въ сіе прибыльное посольство по ходатайству Боярина Овина; за что и далъ ему обѣщаніе пошворствовать всѣмъ его дѣйствіямъ. Еслибъ Ханъ не вынужденъ былъ ограничить свішу его пятью сотнями воиновъ, имѣя самъ надобность прошивопосшавишъ сколь можно болѣ силы многочисленному войску Кичимъ-Ахмета; то Уланъ - Царевичъ отпра-вился - бы въ Москву съ порядочною арміей. Столько нашлось охотниковъ сошшствовать ему въ семъ походѣ, хо-

пѣ всѣ знали о продолжительности и трудности онаго!

Смѣщеніе нашихъ Русскихъ изъ Сарая въ Москву продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ, не смотря на величайшее всѣхъ неперенѣніе. Не столько ужасныя грязи оспанавливали ихъ въ пущи, сколько недоспашокъ въ продовольствіи: пошому чшо они находили большую часть сель и деревень, мимо коихъ должно было имѣ проѣзжать, пущыми и разоренными, и Ташарскіе наѣзники вынужденными находились разсыпаться во всѣ стороны на весьма дальнее пространство, чшобъ доставать хлѣба или молока для утоленія голода.

Ташаринъ въ то время, какъ и теперь, былъ сколько прожорливъ въ изобиліи, сколько умеренъ въ нуждѣ: нѣсколько глошковъ сыворошки или горсть муки, разболпанной въ водѣ — доспашочны для продовольствія его на цѣлый день. О соли они

мало забопились. Не смолря на то, бѣдные Русскіе креспяне убѣгали въ лѣса при появленіи одного Тапарина въ многочисленную деревню. Сполько спрашились они сихъ варваровъ, которые, хопя шли друзьями по землѣ Русской, но позволяли себѣ всѣ несповспва ожеспоченнаго врага; не рѣдко для забавы поддѣвали на дропки дѣшей, не успѣвшихъ опѣ нихъ спряпашься, или пускали спрѣлы въ догоню женщинъ, бѣжавшихъ скрыпшья. Вѣспи о сихъ злосдѣйспвахъ передавались впередъ и въ спороны съ быспрошою молніи, и въ деревняхъ дѣлались соломенные маяки, копорые зажигались, какъ скоро показывался Татарскій или Княжескій вершникъ. Можно было полагашь, что возвращеніе Василія въ Россію, сопровождаемое паковымъ насиліемъ и бѣдспвіемъ, должеспвовало возбудить негодованіе или ропощъ въ народѣ; но какъ подобныя дѣйспвія пресперпѣвались имъ безпре-

спанно и опѣ ничпожнихъ гонцевъ, насылаемыхъ изъ Орды въ Россію: поспрадашъ опѣ Монгольскаго Царевича, или Великаго Князя, казалось удѣломъ лучшимъ, необходимымъ. Въ такомъ порабощеніи, въ такомъ униженіи ума и чувствъ находилось бѣдное наше опечесство!

Какъ забилося Русское сердце, когда изъ за темнаго бора показались свѣшлыя маковки мапушки Москвы; съ какимъ усердіемъ послѣдовали всѣ примѣру Великаго Князя и, вспавъ съ коней, положили по шри земныхъ поклону первому кресту, блестящему на Соборной церкви Симонова монастыря! Въ избытокъ чувствъ и мечпаній никто не говорилъ ни слова: казалось, всякой боялся проглядѣть какой нибудь кусочикъ, какую ни есть примѣшу, носившую для него милое, пріятное воспоминаніе; всѣ забыли о трудахъ и горестяхъ, ими претерпѣнныхъ. Великій Князь мечпалъ о приближеніи радосп-

ной минушы свиданія съ маперью, копорую онъ любилъ со всею нѣжно-спью свободнаго сердца. Бояринъ Овинъ видѣлъ уже всѣхъ Бояръ Московскихъ, низко преклоняющихъ предъ нимъ выи, и уже назначалъ опалы своимъ непріателямъ. Онъ вспомнилъ объ Еленѣ пошому шолько, чшо не лзя было опдѣлишь ее опъ мысли — чшо помощію ея онъ скоро возвысится на первую спепень силы и могущества, надѣясь съ именемъ шеспя Княжескаго прибрашь въ свои руки бразды государспвеннаго правленія, а зяшю своему оспавивъ одно шипло Великаго Князя. Но если опецъ жершвовалъ честполюбію сладоспнымъ чувспвомъ любви родишельской, забылъ дочь, пламенно его любившую, дочь—образецъ красоты и добродѣтели; въ замѣнъ шого былъ человекъ, копорого все благополучіе, вся опрада возвращенія на родину основывались на счастіи увидѣшь обожаемую имъ Елену, сказашъ ей,

что онъ не переставалъ ни на одну минушу любить ее, что ея образъ денно и ночно, какъ Ангелъ хранишель, носился предъ глазами его. Чисташель легко опгадаешъ, что обожашель прелесной дочери Боярина Овина былъ никшо другой, какъ Вельяминовъ, опгадаешъ и причину, почему пылкй, гордый Борисъ переносилъ огорченія и даже обиды, опъ опца Елены. Ахъ! онъ мечталъ уже о шой блаженной минутъ, когда передъ алшаремъ Божимъ ее назовешъ своею на вѣки!—Уланъ-Царевичъ и Ташары шакже обрадовались при видѣ богатшой Москвы, пошому что, подобно полчищамъ Наполеоновымъ, въ спѣнахъ ея обѣщали себѣ всѣ удовольствія, всѣ наслажденія — въ замѣнъ шрудносшей и недосшашковъ, понесенныхъ ими во время сего похода, пошому что надѣялись возвращишь изъ нея въ опчизну съ богатшою добычею.

Уже проѣхали густой боръ, скрывав-

шій Симонову обишель уже открылся широкій зеленый лугъ, на кошоромъ десяшь мѣсяцевъ шому назадъ Великій Князь, опобѣдавъ подъ перевѣсомъ съ машерью, духовенствомъ и боярами, просшилъ съ ними, удрученный горешію и опправился въ Орду на судъ Махметновъ, опправился — съ Престола знаменипаго упасъ къ ногамъ варвара! Вскорѣ разшворились свяшыя вороша обипели и при звонѣ колоколовъ, при пѣніи согласнаго лика, показались ряды священнослужипелей въ праздничномъ облаченіи, съ свяшыми иконами и развѣвающимися хоругвями въ рукахъ, а за ними Великая Княгиня, окруженная первыми сановниками и многочисленною свипою. Свиданіе Василія съ Софіею Виповповною было самое умилипельное: оба плакали на взрыдъ. Равномѣрно шесшвіе Великаго Князя до Кремлевскихъ Соборовъ доказало всеобщую къ нему любовь. Улицы были полны народомъ, кошо-

рый встрѣшилъ его съ непришворнымъ изъявленіемъ радости, какъ будто послѣ знаменитой побѣды, рѣшившей участь опечесства. Съ Великою Княгинею выѣхали на встрѣчу родственники и ближніе прочихъ Русскихъ, бывшихъ въ Ордѣ. Вельяминовъ видѣлъ, какъ его товарищи обнимались съ своими опцами, брашьями, родными, какъ они прижимали ихъ къ своей груди. Ахъ! думалъ онъ, для чего я одинъ не имѣю сущесства, которое-бы встрѣшило меня съ опверзпыми объятіями, къ копорому - бы смѣлъ я лептѣть послѣ долгой разлуки! И сколько Борисъ ни ушѣналъ себя мыслію, что скоро положеніе его перемѣнится; но какая-то грусть залегла въ его сердце, какая-то шоска одиночесства омрачала всѣ его радости. Сиротство свое онъ болѣе еще почувсцовалъ, когда распворились дубовыя вороша его спариннаго прародипельскаго дома и въѣхалъ онъ на красный дворъ, поросшій

крапивою. Даже веселыя лица домочадцевъ, копорые плакали опъ восхищенія и цѣловали руки добраго своего Боярина, даже прогашельная радость спарика Ипаша, не удовлетворяли требованіямъ сирой его души. Онъ всходилъ на широкое песовое крыльцо, какъ будшо на кладбище своихъ предковъ. Съ сими чувспвами и мыслями онъ повергся въ первой палапѣ предъ свящою иконою Θεодоровскою Божіей Машери, бывшей изспари покровишельницею ихъ дому. Ему показалось, что тусклая лампада, копорая денно и ночью шеплилась предъ Засшупницею, свѣпилась ярче, что дорогіе каменья и жемчуги, коими осыпанъ былъ золошой вѣнецъ ея, заблнспали подобно опраднымъ звѣздамъ полуночи, что опъ лика Пречисшой пролилась какая-шо благошворная опрада въ его бурное сердце — Борисъ вздохнулъ спокойнѣ....

Давно Вельяминовъ не проводилъ ночи